Глава 5. Жизнеописание и за-текст

DOI 10.15826/B978-5-7996-3520-6.06

«За-текст» – не являющийся общепринятым ключевой термин коллективного исследования. Дефисное написание позволяет уточнить содержание терминологического понятия с опорой на языковую семантику. В данном случае значимость приобретает семантический потенциал предлога *за*. В зависимости от падежного управления толковые словари русского языка[1] выделяют до 30 значений предлога, каждое из которых в той или иной степени связано с ключевым понятием «за-текст». Отметим отдельные значения в их проекции на терминологическую номинацию, используемую филологом в процессе анализа основного текста.

1. ‘По ту сторону, вне, позади… чего-н. (*Стоит за шкафом. Камень за пазухой*)’. 2. ‘Около, возле, вокруг’. – Следует установить, что именно стоит за анализируемым текстом; какое (какие) именно произведение словесности оказало влияние на его создание. 3. ‘Обозначает направленность действия на лицо или предмет’. – Какой именно жизненный материал отображает автор; каковы прототипы образов персонажей. 4. ‘Выражает отношения замужества’. – Тематическая константа ряда жанров, в том числе жизнеописания. 5. ‘В течение какого срока (*За неделю. За последнее время*)’. 6. ‘Указывает на расстояние, в пределах которого что-либо находится (*За десять километров от города*)’. – Филолог исследует хронотоп – реальный или вымышленный. 7. ‘Указание на лицо как на субъект состояния (*Книга числится за мной*)’. – Принципиальным является вопрос о первичном тексте, его авторе в сопоставлении с основным текстом. Отметим, что словарями специально фиксируется семантика приставки *за-* не только в отглагольных

[1] Словарь русского языка : в 4-х т. М., 1981. Т. 1. С. 490–491; Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 238; и др.

(*заплакать*, *захватить*), но и в отыменных образованиях – со значением ‘по ту сторону’. Например: *заграница*, *закавказский*[2]. – В каждом конкретном случае устанавливается, какой именно жизненный, а также словесный материал послужил основой исследуемого текста, можно ли судить о степени достоверности этого материала; кто является носителем информации, использованной в произведении художественной и/или мемуарной литературы. Представляется, что вариантные возможности терминологического толкования концепта «затекст» можно извлечь из систематизированного лексикографами участка языковой картины мира (семантика предлога *за* и приставки *за-*). Базовым является значение ‘по ту сторону, за пределами’. За пределами основного текста неизменно находится внетекстовая действительность, которая служит объектом восприятия и рефлексии – «особой формы речемыслительного механизма»[3]. Обратимся к жанру жизнеописания, занимающему значительное место в русской литературе.

Автобиографическое жизнеописание может быть рассмотрено как эго-текст, «(1) имеющий своим объектом обстоятельства жизни самого автора, и (2) написанный с субъективно-авторской точки зрения…»[4]. Так, за-текст первой части трилогии А. М. Горького «Детство» (1913), «В людях», «Мои университеты» связан с собственно авторской рефлексией, предполагающей «ощущение временного отступа от описываемых событий»[5]: авторская рефлексия отражает особенности личного восприятия мира, обыденной жизни в доотроческом возрасте. В «Денискиных рассказах» В. Ю. Драгунского за-текст связан с мировосприятием героя, его мыслительной деятельностью, рефлексией ребенка, какой ее представляет отец и одновременно автор рассказов. Следует учитывать соотношение образа автора – «создателя реализующегося замысла» – и образа героя, выявлять особенности субъективно-оценочного восприятия и оценки за-текстовой

[2] Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. С. 239.

[3] *Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002. С. 7.

[4] *Михеев М.* Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М., 2007. С. 6–7.

[5] Там же.

действительности[6]. В обоих случаях объектом рефлексии является реальная действительность, а в процессе анализа возникает вопрос о соотношении в жизнеописании достоверного (фактографического) и вымышленного.

В связи с этим особую значимость приобретают свидетельства прототипов персонажей и в особенности – прототипа главного героя. «Детство» А. М. Горького – эго-текст. «Денискины рассказы» можно рассматривать как репродуцированный эго-текст.

Прототип героя рассказов Виктора Драгунского (далее также ВД) – сын автора Денис (далее также ДД) – филолог, переводчик, писатель. Он подготовил к изданию книгу, в которой тексты рассказов сопровождаются комментариями, позволяющими понять, «как все было на самом деле»[7]. В предисловии приведены даты: «Первые “Денискины рассказы” появились в журналах в конце 1950-х. Потом стали выходить книги – одна за другой. Появились фильмы и спектакли. <…> Он (ВД) написал около 60 “Денискиных рассказов” – то есть одну не очень толстую книгу. Зато эти рассказы читают уже пятьдесят лет. И это – самое главное» (с. 7). В эссе ДД пытается укрупнить проблему, имеющую непосредственное отношение к за-тексту: в приложении к художественной литературе он использует глаголы *отнимать* и *подглядывать*: «Литература… отнимает. Тайну личной жизни, например. Или светлые юношеские идеалы»; «Без нахального и отчасти бесстыжего подглядывания не бывает… литературы»[8]. Самому ДД с детства приходилось объяснять сначала окружающим, а потом и читателям, что он, Денис, «не только герой папиной книжки». Стереотипная ответная реакция: «Ну а кто ты такой, если честно? Дениска из рассказов»[9]. Подробные комментарии позволяют узнать «о реальных людях, ставших прототипами…»[10].

---

[6] *Ильенко С. Г.* Исследование художественного текста // Русистика : избр. тр. СПб., 2003. С. 573.

[7] *Драгунский В. Ю.* Денискины рассказы: о том, как все было на самом деле. М., 2017. Далее это издание цитируется в тексте с указанием страницы в круглых скобках.

[8] *Драгунский Д.* Отнимать и подглядывать. М., 2014. С. 5.

[9] Там же.

[10] Там же. С. 35.

Родители дали мальчику редкое в то время имя *Денис*, которое вошло в книгу рассказов. «А в школе, – вспоминает ДД, – меня по ошибке называли то Максимом, то Трофимом, а то даже Кузьмой» (с. 14). Выбор автора рассказов можно понять: имя редкое – значит, запоминающееся. Повествование ведется от первого лица. Частотностью обладают рефлексивные *Я*-высказывания: *Я люблю* / *Я не люблю* / *Я знал* / *Я задумался* / *Я должен*… На их основе формируется «Я аксиологическое»[11], позволяющее писателю передать взгляд на мир глазами ребенка, мотивировать персональный аксиологический выбор в конкретной ситуации. На вопрос «И это все правда было?» ДД отвечает: «“Конечно, нет!” и “Разумеется, да!” Оба ответа правильные» (с. 14). Повторяющаяся мысль: «Дениска – это не совсем я». За-текстовая персональная идентичность и становление идентичности героя в зеркале авторской рефлексии пересекаются, но не совпадают. Нельзя ставить знак равенства между персонажем и реальным прототипом; между событийной канвой художественного текста и реальными жизненными фактами и событиями. Реальность – за-текстовой источник, репродуцируемый автором, формирующий его мировосприятие, направляющий воображение. Реальное, воображаемое и воображенное[12] – взаимосвязанные, но не тождественные составляющие реалистического художественного повествования, в котором воссоздано «биографическое время» (М. М. Бахтин) персонажа или отрезок этого времени. Персонаж есть «не что иное, как продукт комбинаторики…»[13], создаваемой писателем на основе соединения реального и воображаемого. Для автора даже «жизнь – это текст, состоящий из поступков и действий, продиктованных житейской необходимостью, но к ним не сводимый, притчеобразный, иносказательный…»[14], требующий активизации мыслительных механизмов. Жизненный материал не готовое сырье. Он обрабатывается в процессе авторской рефлексии.

---

[11] *Гайда С.* Стиль как вызов // Актуальные проблемы стилистики. 2016. № 22. С. 19.

[12] *Гаспаров Б. М.* Язык – разноречное единство: плюрализм речевого поведения как основа коммуникативного поведения говорящих // Русский язык в многоречном социокультурном пространстве. Екатеринбург, 2014. С. 25–30.

[13] *Барт Р.* S/Z. М., 2001. С. 82.

[14] *Эпштейн М.* Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М., 2004. С. 710.

«Денискины рассказы» объединены в циклы. Каждый подзаголовок – *Квартира*; *Двор*; *Школа*; *Улица*; *Цирк*; *Дача* (с. 19–228) – позволяет составить представление о предметной теме. Опираясь на основной текст и комментарии к тексту, попробуем составить представление о соотношении фактографичности и вымысла.

'Те, кто около', определяют авторский выбор имен персонажей. Свидетельствует ДД: «Люди из "Денискиных рассказов" – дети и взрослые – были когда-то в моей жизни. И дачный сосед Борис Климентьевич (на самом деле драматург Климентий Борисович Минц) <…> И Костик, и Андрюшка, и Павля. <…> И мелькнувшая в одном рассказе девочка Катя Точилина – была у нас такая в первом классе. И управдом Алексей Акимыч – он был, честное слово, так его и звали!» (с. 16). Реальное имя собственное осталось в памяти ДД – героя рассказов. Личные переживания автора затрагивает не только имя, но и его носитель, конкретное лицо. Имя собственное трансформируется, давая толчок для формирования образа персонажа: «Например, капитан дальнего плаванья Харитон Васильевич. А моего дедушку, маминого папу, звали Василий Харитонович. Хотя он был никакой не капитан, а просто шофер» (с. 16) – значит, мог стать капитаном, да жизнь не позволила, хоть и оставила разгаданные ВД капитанские черты характера.

Органически внедряются в речевую ткань текста бывшие у всех на слуху имена знаменитостей. Например, в рассказе «Не хуже вас, цирковых» Дениска наблюдает выход на арену цирка клоуна: *И тут вышел Карандаш… и стал карабкаться… на лошадь. Он и так старался, и этак, все задирал на нее свою коротенькую ногу, и все соскальзывал, и падал – очень эта лошадь была толстенная* (с. 221). В комментариях читаем: «Мой папа когда-то был клоуном. <…> Папа любил цирк и часто водил меня на представления. <…> Рассказы "Не хуже вас, цирковых" и "Девочка на шаре" – это напрямую про цирк. Там упоминаются знаменитые клоуны. В первом рассказе Карандаш, т. е. Михаил Румянцев» (с. 250). В пространстве за-текста зафиксирована рефлексия мальчика сквозь призму рефлексии автора – бывшего циркача. За именем собственным скрыты незабываемые трюки клоуна, вызывавшие восторг зрителей – в особенности детей.

В рассказе «Шляпа гроссмейстера» Дениска приходит на бульвар и видит: *На скамейке сидит дяденька и сам с собой игра-*

ет в шахматы (с. 193). *Вдруг ветер задул особенно сильно, и эта самая дяденькина шляпа взвилась в воздух, а шахматист ничего не заметил, сидит себе, уткнулся в свои шахматы* (с. 200). Рефлексируя, мальчик сопоставляет себя с шахматистом, так как понимает, что игра требует абсолютного поглощения: *Я тоже, когда играю с папой в шахматы, ничего вокруг себя не вижу, так как очень хочется выиграть* (с. 200). Мальчишка поймал шляпу, оказавшуюся в пруду (ДД, однако, настаивает, что шляпу он не ловил). Воображая, что выручил самого гроссмейстера, Дениска обращается к шахматисту-любителю с вопросом: – *Вы случайно не Ботвинник?* (с. 202). ДД вспоминает: «Тогда все очень увлекались шахматами. Потому что СССР много лет держал по шахматам первое место. Когда я был маленьким, сначала очень долго чемпионом мира был Михаил Ботвинник <…> Потом молодой Михаил Таль победил Ботвинника и стал чемпионом мира» (с. 245). Чемпионы мира становятся образцами для подражания. Романтическими устремлениями героя к победам мотивирована авторская репродукция двуреплики: – *Кого ты больше любишь, папу или маму?* Семилетний Дениска отвечает: – *Михаила Таля* (рассказ «Ничего изменить нельзя», с. 55). Неотъемлемая составляющая за-текста – аксиологическая реальность советского времени, формировавшая персональный аксиологический выбор.

Не требуют специального комментария ДД эпизоды текста, связанные с прецедентными событиями, по поводу которых рефлексируют персонажи: *Мы как только узнали, что наши небывалые герои в космосе называют друг друга Сокол и Беркут, так сразу порешили, что я теперь буду Беркут, а Мишка – Сокол. Потому что все равно мы будем учиться на космонавтов* (с. 21). Ближе к ночи Сокол и Беркут решили спеть любимую космонавтскую: *На пыльных тропинках далеких планет / останутся наши следы!* Романтический порыв пресекается соседкой: – *Безобразие… Что случилось… Уже поздно… Здесь коммунальная квартира…* (с. 24). Далекий от заоблачных высот уклад жизни обитателей коммунальной квартиры – культурный фон жанроспецифической сюжетной линии формирования характера: в реальном будущем Дениска и Мишка видят себя героями – отважными покорителями космоса.

Неотъемлемые составляющие за-текста – личные имена собственные выступают как объекты рефлексии, мотивирующие характерные для реального времени коллективные ценностные предпочтения. Автор использует аксиологический потенциал этих имен.

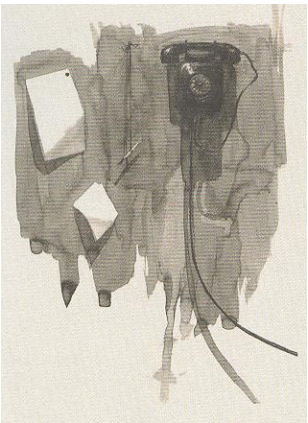
В рассказах запечатлен срез топонимии и ономастикона Москвы. Достоверными являются имена собственные, номинирующие городское пространство. За каждым топонимом стоит площадь или улица, изображенные глазами ребенка: они манят своей предсказуемостью и одновременно полны неожиданностями, сулящими приключения.

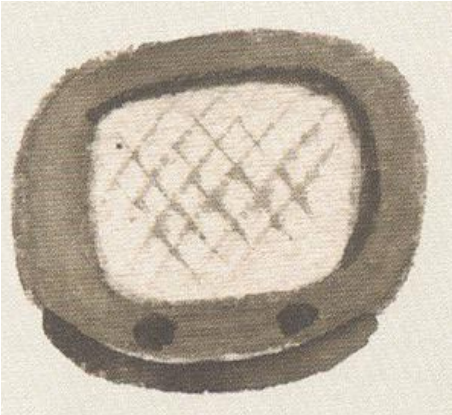
Дениска мечтает, чтобы взрослые чаще водили его на К р а с н у ю п л о щ а д ь: *Я не знаю ничего красивее Кремля. Я там был в Грановитой палате и в Оружейной, стоял возле Царь-пушки и знаю, где сидел Иван Грозный. И еще там очень много интересного* (с. 19). За-текст обнаруживает специфику лингвокультурного типажа коренного москвича, в сознании которого с детства закрепляются ценностные номинации культурного кода столицы. Улица создает сказочную атмосферу праздника: *Один раз я пошел на елку в Сокольники. <…> В С о к о л ь н и к а х народу было видимо-невидимо. Повсюду стояли маленькие домики на курьих ножках, как у Бабы Яги, и веселые, как скворечники, домики, раскрашенные, нарядные и приветливые. В них продавались книжки, сладости, пончики или блины. Еще в Сокольниках стояли сделанные из снега большущие фигуры, красивые кони, ужасающие драконы и была мертвая голова, и с нею сражался непобедимый Руслан. И были сделаны тридцать три богатыря, и Царевна-Лебедь, и космический корабль…* (с. 208–209). Рефлексив *Вся это снежная ледяная красота* – емкий эстетический характеризатор участка за-текстовой действительности. Отбор эпитетов, конструирование сравнений обнаруживают специфику мировосприятия ребенка, языковая личность которого формируется на основе вживания в тексты сказок.

Культурное сознание не приемлет однообразия новостроек, делающих улицу безликой: *А когда стали подходить к нашим домам, Мишка сказал: – Я каждый день свою квартиру не нахожу. Все дома одинаковые, просто путаются в глазах* (с. 227). Креативная идея может преобразовать обыденность: – *Папа! Я уже придумал! Повесь, пожалуйста, на наш дом мамин портрет! Я уже издалека*

буду знать, где я живу! (с. 231). В за-тексте ощущается общенациональное эстетическое отношение к действительности.

Отметим достоверность изображения автором «Дениськиных рассказов» бытового пейзажа коммунальной квартиры. Приметы быта, вещный мир квартиры нашли отражение в иллюстрациях, которыми ДД сопровождает комментированное издание рассказов: телефон – один на всех; радиорепродуктор; висящее на веревках белье и др.:





Узнаваемые детали внедряются в повествование. Например, номинации электроприборов органично используются в рассуждениях Дениски, который решил изобрести посудомоечную машину, чтобы освободить маму от мытья посуды: *Я начал придумывать, как быть с этим делом. <…> Я сначала хотел выдумать электрическую машину, чтобы сама мыла посуду и сама вытирала, и для этого я немножко развинтил наш электрополотер и папину электробритву «Харьков»* (с. 69).

Бытовые детали сопровождают сцену купания новорожденной сестренки Ксении: *Мы поставили на папин стол ванночку с пробкой и наносили целую толпу кастрюлек, наполненных холодной и горячей водой<…>я… дал Ксеньке свой палец и, видно, угадал, сделал, что надо было… Так крепко и отчаянно ухватилась девчонка за мой палец, просто как*

утопающий за соломинку <…> чувствуется ясно, что это она мне одному доверяет свою драгоценную жизнь и что, честно говоря, все это купание для нее мука, и ужас, и риск, и угроза, и надо спасаться: держаться за палец старшего, сильного и смелого брата. И когда я обо всем этом догадался, когда я понял наконец, как ей трудно, бедняге, и страшно, я сразу стал ее любить (с. 74–75). Картинная образность выделяет предметы быта, которые включаются в обстановочный контекст, мотивирующий становление мужского характера – этнотипа с присущими ему готовностью защищать слабых, быть опорой для родных и близких. Сегмент за-текста типизирует характер героя в его становлении и одновременно оттеняет субъективность мироощущения.

Нельзя не согласиться с тем, что автор рассказов не имитировал действительность: атмосфера «пятидесятых – начала шестидесятых передана удивительно точно»[15]. За-текст позволяет дать положительный ответ на проблемный вопрос: «Русская литература: свидетельство?»[16]. Жизнеописание – неприукрашенное, достоверное воспроизведение жизни в реальном пространстве и реальном времени – органическая часть литературы свидетельства.

Достоверное не противоречит вымышленному. В комментариях к «Денискиным рассказам» ДД опровергает истинность ряда впечатляющих, запоминающихся эпизодов. Показательный пример: *А я остался с кашей наедине. Я пошлепал ее ложкой. Потом посолил. Попробовал – ну, невозможно есть! <…> взял тарелку, быстро подбежал к окну и выплеснул кашу на улицу. Потом сразу вернулся и сел за стол* (с. 20). Ср.: «Меня уже лет пятьдесят спрашивают: – Дениска, Денис, Денис Викторович! А про кашу из окна – это правда? – Неправда. Да, я терпеть не мог манную кашу. Но из окна я ее не выливал <…> если бы мне и пришла в голову мысль выплеснуть кашу в окно, мне надо было бы встать на стул, забраться на подоконник – и я бы, конечно, обляпался сам» (с. 89). Художественная правда не вступает в противоречие с действительностью: за-текст включает неоспоримый факт: я терпеть не мог манную кашу.

Еще одно опровержение ДД: «Я не влюблялся в девочку на шаре». Ср.: *И вдруг на арену выбежала маленькая девочка.*

[15] *Драгунский Д.* Отнимать и подглядывать. С. 41.
[16] *Сухих И. Н.* Русский канон: книги 20 века. М., 2013. С. 12.

Я таких маленьких и красивых никогда не видел. У нее были синие-синие глаза, и вокруг них были длинные ресницы <…> и у нее были длинные руки; она ими взмахнула, как птица, и вскочила на этот огромный голубой шар… Она стояла на шаре. <…> Я таких девочек никогда не видел. Все они были обыкновенные, а эта какая-то особенная. Она бегала по шару своими маленькими ножками <…> и я подумал, что она, наверно, и есть Дюймовочка, такая она была маленькая, милая и необыкновенная <…> И это все было как в сказке. <…> Я все время думал про девочку на шаре (с. 214). Первое неосознанное чувство, душевный порыв – это ли не художественная правда, за которой стоит слитность типичного и неповторимого? За-текстовая действительность – объект авторской рефлексии. Здесь и воспоминания Виктора Драгунского о своем цирковом прошлом, и восприятие им импульсивного характера сына, обладающего, как и отец, чувством прекрасного. Сознательный выбор писателем прототипа (своего второго «я») определяет важнейшую особенность за-текста художественного жизнеописания.

Дневник, личное письмо, интервью, расшифрованная аудио / видеозапись устного монолога, диалога, полилога – эго-тексты, каждый из которых может быть использован как за-текст жанроспецифического текста жизнеописания. Последний, например, может соответствовать канонам серии «ЖЗЛ», читательская востребованность которой обусловлена неиссякаемым интересом к «судьбе выдающихся личностей, в том числе к подробностям их приватной жизни и – одновременно – необходимостью постоянно обновляющегося знания отечественной и мировой истории культуры и ее ключевых фигур»[17]. Определяющей становится «художественная концепция автора-биографа»[18]. В несобственно художественных жизнеописаниях определяющей является концепция биографа – составителя книги. Особую значимость приобретают «исключительные события и положения, каких нет в типической, нормативной, обычной биографии человека»[19].

---

[17] *Снигирева Т. А., Подчиненов А. В.* История издательской серии «ЖЗЛ»: характер изменения ценностных ориентиров//Аксиологические аспекты современных филологических исследований. Екатеринбург, 2019. С. 196.

[18] Там же. С. 197.

[19] *Бахтин М. М.* Роман воспитания и его значение в истории реализма //

В ряду жизнеописаний новейшего времени выделяется книга Марии Бурас (далее МБ) «Жизнь Андрея Зализняка в рассказах ее участников». Хронология жизни выдающегося лингвиста Андрея Анатольевича Зализняка – далее также ААЗ (1935–2017) – воссоздана по воспоминаниям самого Зализняка, его родных, школьных друзей, коллег и единомышленников, учеников. Базовый жизненный материал – московский и шире – советский быт; академическая и университетская жизнь; нравы; история безаналоговых открытий; чтение ученым систематических университетских курсов, открытых и популярных лекций, собиравших тысячные аудитории в России, Италии, Франции, Швейцарии, Германии; защита кандидатской диссертации, которая была оценена как докторская; новгородские экспедиции и расшифровка берестяных грамот; грамматические, акцентологические открытия; исследование «Слова о полку Игореве», доказывающее подлинность памятника, и др. МБ, ощущающая себя «участницей жизни Зализняка», отмечает, что в книге нашли отражение «разговоры с почти тридцатью людьми, которые его близко знали», «цитаты из дневника и писем маме», «из двухчасовой беседы» математика В. А. Успенского и А. А. Зализняка. Близкое окружение героя – это не только русские и зарубежные лингвисты, но и историки, археологи, музейные работники, школьные друзья. Выделяются профессиональные контакты с математиками, в числе которых академик Н. А. Колмогоров. Воспоминания выявляют безаналоговость таланта А. А. Зализняка – одного из основоположников математической лингвистики, заложившего основы машинного перевода[20].

Стратегическая установка МБ как биографа – создание многоголосия. Каждый отдельный голос звучит в эго-тексте. Развернутая формула презентации автора эго-текста включает фамилию, имя, отчество, указание на степень родства или знакомства по отношению к Зализняку, глагол, обозначающий форму передачи информации. Далее следует весь эго-текст; фрагмент эго-текста; отдельное высказывание.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 192.

[20] *Бурас М.* Истина существует. Жизнь Андрея Зализняка в рассказах ее участников. М., 2019. С. 17–21. Далее это издание цитируется с указанием страниц в круглых скобках.

Выделим развернутые и сжатые формульные вводы, включающие глаголы речи: ***рассказывает Мария Наумовна Шевелева, доцент кафедры русского языка филфака МГУ*** (с. 253); ***товарищ и коллега*** *Зализняка, знаменитый* ***Мельчук, говорит*** *мне* (с. 88); ***говорит Анна Зализняк*** (с. 267); ***спрашивает*** *Зализняка* ***Успенский*** (с. 81). Авторство фиксируется в компрессированных формулах презентации и даже при использовании отдельных высказываний, ставших прецедентными в кругу «своих»: ***Берштейн****… с досадой* ***говорил*** *о Зализняке: «Умная голова, да дураку досталась»* (с. 193). Активность глаголов речи в границах формулы презентации позволяет заключить, что основной пласт эго-текстов принадлежит спонтанной – монологической и диалогической – устной речи.

Регулярно биографом фиксируется авторство письменных эго-текстов: «В 1965 году он защищает кандидатскую по алгоритмическому описанию русского словоизменения, **пишет лингвист Дмитрий Сичинава** о Зализняке в некрологе» (с. 211); «Заслугу придания олимпиаде по языковедению и математике статуса ежегодной и традиционной я приписываю себе, – **пишет В. А. Успенский**. <…> Андрей Анатольевич Зализняк входил в оргкомитет олимпиады» (с. 208–209). Ссылки на авторов письменных эго-текстов размещаются также в сносках.

Стратегическую функцию выполняет глагол *вспоминать*: МБ отбирает тексты, авторы которых возобновляют в своей памяти личные контакты с Зализняком, впечатляющие факты и события его жизни: «Зале подарили на день рождения наш отечественный первый, по-моему, узкопленочный киноаппарат, – **вспоминает Леонид Никольский»** (с. 179); «Я уже учился на русском отделении, а не на ОСиПЛе, – **вспоминает Алексей Гиппиус**. – И Андрей Анатольевич читал курс, который назывался “Лингвистическая интерпретация древнерусского текста”» (с. 176); «Образ, который возник в первые годы, – **вспоминает Максим Кронгауз**, – был какой-то такой: человека, не склонного к общению вне лекций» (с. 271); «**Елена Александровна Рыбина вспоминает**: – В 1981 году стало известно, что кто-то где-то у математиков читает про берестяные грамоты…» (с. 244); «Самое вкусное в наших разговорах, – **вспоминает Изабель Валлатон**, – это было человековедение. “Давайте что-нибудь о человековедении”. Это не мое слово, это его термин» (с. 310).

Пишет, говорит, вспоминает сам ААЗ. Фрагменты соответствующих эго-текстов (дневниковых записей, писем, выступлений, диалогизированных монологов и др.) – органическая часть жизнеописания. Приведем отдельные примеры с комментариями биографа.

«В Париже **Зализняк записывает в дневнике** <…>». Далее следуют записи 1956–1957 гг. (с. 119–124). «7 мая 1991 года, Неаполь, Италия. **Зализняк записывает в дневнике** <…>». Далее следуют фрагменты эго-текста (с. 279–287). «В 2007 году в своей знаменитой речи на церемонии вручения ему премии Александра Солженицына Зализняк сказал: – Я, к сожалению, ощущаю распространение взглядов и реакций, которые означают снижение в общественном сознании ценности науки вообще и гуманитарных наук в частности». Далее следуют снабженные комментариями фрагменты речи лауреата (с. 288–291). В хоре голосов неизменно выделяется уникальный голос героя жизнеописания.

Акцентируется роль людей, сыгравших заметную роль в формировании личности ученого: «Говорит Анна Константиновна Поливанова, учившаяся у Зализняка и близко его знавшая: – <…> **Успенский** сделал все для того, чтобы Зализняк стал знаменитым великим ученым: заметным, известным <…> интересный вопрос: был бы Зализняк Зализняком, если бы он не подружился с Успенским…?» (с. 71). Эго-тексты математика В. А. Успенского – заметная составляющая жизнеописания, основой которого является за-текст – особая комбинация множества эго-текстов и фрагментов эго-текстов. Биограф корректно использует эго-тексты в процессе структурирования жизнеописания с учетом хронологического, событийного факторов, предметной темы и образа героя. Характерно, что заглавия разделов книги – взятые в кавычки высказывания самого Зализняка и тех, кто беседует с ним, рассказывает или пишет о нем.

Лингвистически значимые участки за-текста – разговорные конструкции, отражающие особенности речевого существования в ситуации идеологической несвободы. Вот отдельные реплики Зализняка из двухчасового диалога с математиком Успенским: *Ну, меня ушли* (из очной аспирантуры МГУ), *вообще-то говоря. За подпись в защиту Ива́нова. Которого изгнали в связи с делом Пастернака. Три подписи было: Мельчук, Дыбо – и моя* (с. 182);

Действительно, Топоров – с помощью еще кого-нибудь, этого я не знаю, – уговорил тогдашнее начальство, что вот надо взять такого-то человека. Я думаю, что он не излагал никаких сопутствующих обстоятельств (с. 187–188). Обстоятельства были связаны с открытым письмом. ААЗ вспоминает о том, как при содействии Топорова он был принят на работу в Институт славяноведения АН СССР: *Год еще был неплохой, 1961-й. Рекомендация Топорова все-таки звучала. Нет, это мне не кажется удивительным. Ну и потом, вроде скандала нет – ну и ладно. Дело в том, что мне не успели повесить официальное черное клеймо…* (с. 190). В контексте оттепели (1961 г.) экспрессивный стандарт *официальное черное клеймо* позволяет понять, что Зализняк был всего лишь *подписантом*: ‘подписал открытое письмо’ в знак протеста ‘против действий властей’[21], в защиту старшего коллеги-филолога В. В. Ива́нова. Он не был *диссидентом*, ‘демонстрирующим несогласие с официальной идеологией, противостояние существующему режиму’[22]. Участки за-текста позволяют составить обобщенное представление о лингвокультурном типаже советского интеллигента, у которого хватило смелости не раствориться в коллективном идеологическом котле и сделать персональный аксиологический выбор. Иронизм *меня ушли* включается в аксиологически маркированную ситуацию коллегиальной солидарности.

Концептуально взвешенная организация за-текста способствует созданию образа ученого, постоянно находящегося в поисках истины, совершающего ошеломляющие открытия: «Чуда не объяснишь. Но, в частности, секрет – в невероятной огромности научного замаха и в простоте и точности достигнутых результатов, которые вместе дают эффект гениальности» (М. Кронгауз); «Стремление “дойти до самой сути” заставляло его вновь и вновь возвращаться к написанному – пополняя, исправляя, реагируя на новые данные» (А. Гиппиус); «Андрей Анатольевич был совершенно уникальным явлением. <…> Зализняк демонстрировал… высшие возможности человеческого интеллекта: он показывал, каким в принципе может быть человек, каких высот он может достигать» (В. Плунгян). Обращает на себя внимание открытая

[21] Толковый словарь русского языка начала XX века. Актуальная лексика. М. 2006. С. 740.

[22] Там же. С. 317.

оценочность приведенных высказываний (с. 25–27), связанных с известием о кончине ученого. ААЗ предстает как незаурядный, смелый, щедрый, открытый, остроумный человек: «Ярчайшая личность, веселый и ироничный, увлекающийся и увлекающий за собой человек, верящий в силу разума и готовый бесстрашно взяться за решение любой задачи, а потом поделиться своим решением» (с. 26). Уникальность – постоянный характеризатор личности Зализняка. Ср.: «…говорит Алексей Гиппиус: “История скрытых текстов Новгородского кодекса – это, по-моему, история про гениальность в чистом виде. Принято говорить, что Зализняк – гений… Для меня он намного больше, чем гений. Гений – это некоторый род аномалии, а Зализняк – гений нормальной науки, которая знает свои законы и им следует. А скрытые тексты – это такой протуберанец, выброс вырвавшейся из-под контроля гениальности”» (319). Гениальность Зализняка как высшая творческая способность подтверждается его открытиями.

«Откуда же взялся Андрей Анатольевич Зализняк?..» – Вопрос задает МБ (с. 29). Ответ: он родом из детства. Именно в детстве произошли поворотные события. 1941 год, эвакуация семей работников стекольного завода, на котором работал отец Андрея. ААЗ рассказывает В. А. Успенскому: «…это было перед посадкой на баржу <…> И был момент, когда нужно было 2 или 3 километра пройти пешком <…> Было приказано всех детей оставить вместе, их привезут. Люди пусть идут пешком, а детей привезут <…> Моя мама забеспокоилась и из этого пешего похода вернулась – и встретила меня на полпути на улице. Я каким-то образом прокрался, ушел из этого сборища детей и пошел за мамой сам. Куда-то, неизвестно куда. И она меня встретила, возвращаясь туда. Если бы я повернул не туда, а туда, то попал бы в детский дом» (с. 48). Татьяна Константиновна, мать Андрея, в беседе с МБ подтверждает подлинность события: «Я не помню, как так вышло, что нас на эту баржу порознь привозили: детей отдельно, матерей отдельно. Только помню, что приехали, гляжу – где Андрей? Я просто испугалась. Как же так? Ведь он потеряться мог! Ему шесть лет было. Как я могла такое допустить?» (с. 49).

С раннего детства и до последних дней ААЗ учился преодолевать непреодолимое. Вот еще один трехэтапный «сюжет испы-

тания», охватывающий биографическое время в развитии. 1. Учеба в начальной школе и «изгнание из детской группы немецкого языка ввиду неспособности к изучению иностранных языков». 2. Изобретение собственной технологии изучения иностранного языка с опорой на грамматическую систему (госпитализирован с сотрясением мозга: «Мне 15 лет. Ну я полежал так полдня, полежал день… А потом взял грамматику французского языка. И действительно, поскольку лежать нужно было недели две, то с тех пор я ее более или менее знаю. <…> Тогда выпало на французский» (с. 95). 3. «В журнале “Наука и жизнь” появилась статья “Рассказывают полиглоты”. <…> Там говорилось, что он знает 40 языков» (А. Н. Головастиков, с. 147–148). В разных эго-текстах, составляющих целостный за-текст основного текста жизнеописания, выделяется способность Зализняка к преодолению неблагоприятных обстоятельств, достижению поставленной цели.

Детство – это еще и обретение круга «своих» – надежных друзей и единомышленников. Особый сегмент использованного биографом за-текста –беседы МБ со школьными товарищами Зализняка (*Зали*) и воспоминания самого героя: «Пять человек. <…> Это была компания, которая присвоила себе имя “Курозад” – специальное сокращение: Курбатовское общество защиты дарований. Пятеро. На всю жизнь. Они на всю жизнь» (с. 54). Дворовый футбол; походы, байдарки, скутеры; взаимная поддержка; разговоры о главном; интеллектуальные состязания. У каждого из всех «жизненных друзей» своя судьба, свой путь в профессию и, добавим, своя главка в книге МБ. Талантливые, незаурядные, знающие себе цену, всегда готовые поддержать друг друга, эти люди понимали и ценили исключительность *Зали*: «Заля – гениальная, конечно, фигура, совершенно исключительная» (А. Н. Овчинников, художник-реставратор, с. 66).

Таким образом, в жизнеописании использован за-текст, позволяющий биографу осветить множество событий и фактов, включенных в проживаемое героем время, и надвременных, раскрывающих формирование характера человека своего времени: многогранного, одаренного от природы, осознающего свою одаренность, волевого, целеустремленного. Жизнеописание выступает как жанр литературы свидетельства.